

ВОСТОЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

*А. А. Болотникова, Н. Н. Воробьева,
акад. Н. Ю. Крайковского и В. А. Гордлевского*

ПЕРСИЯ

А С А Д Е М И А

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПЕРСИДСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

*Подбор, перевод, примечания
и вступительная статья*

А. А. Ромаскевича

А С А Д Е М И А
1934

*Заставки — с офортов Е. А. Хиера,
фронтиспис, суперобложка и переплет
по его же рисункам*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Публикуемые впервые в русском переводе образцы персидского фольклора — прозаической и стихотворной сказки — представляют большую ценность не только занимательностью фабулы, живостью и порой тонкой насмешкой изложения, странностями непривычного для нас сказа, — они открывают читателю, знакомому с классическими произведениями феодальной Персии (хотя бы по искаженному двукратным пересказом «Рустему и Зорабу» Жуковского), совершенно новый мир литературного творчества. Записанные в огромном своем большинстве из уст неграмотных сказителей — выходцев из крестьянской и мелкобуржуазной, часто близкой к люмпенпролетарской среды (об этом подробнее см. ниже в вводной статье собирателя и переводчика А. А. Ромаскевича), сказки эти представляют культурно-исторический документ совершенно другого классового содержания, чем те произведения письменной литературы господствующих классов феодального общества, по которым иногда пытаются определить «национальный характер» поэзии ближнего Востока, документ, знакомящий нас сквозь пеструю ткань сказочных небылиц с мыслями и чувствами угнетенных низов, сохранивших и в условиях замедленного капиталистического развития колониальной страны типичный для феодального общества хозяйственный и бытовой уклад.

Разумеется, было бы упрощением искать в этих сказках отражения мыслей и чаяний только трудового крестьянства. Как и фольклор Запада, в частности как народная сказка царской России, персидская сказка обслуживает весьма различные прослойки земледельческого и ремесленного населения деревни и еще не вполне обособившегося от нее городского предместья, в том числе и кулацкую эксплуататорскую его верхушку, становясь в руках мулл и кулаков орудием внедрения классово-чуждой идеологии в сознание трудящихся масс. Поэтому-то на ряду с социально ценными моментами сатиры на правящие классы, с осмеянием и обличением представителей духовной и светской власти, то в форме едкой насмешки, то веселого озорства (ср. сказки «Любовники в сундуке», «Суд в Балхе», «Волк и лисица», «Тетушка-лягушка», юмористическая кантовка «Похождения воробушка» и др.), сближающими «Персидские сказки» с фабло революционного третьего сословия средневекового Запада, в них встречается и смазывание социально значимых моментов («Шах Аббас и туфли», «Хиджазский сейид» и др.), и навязывание идеи неизбежности рока («От судьбы не уйдешь», «Рок и судьба»), и обилие культовых реминисценций (ср., например, начин сказок из Исфаханского гетто №№ 10—19). Поэтому-то ловкий пастух или погонщик, одерживающий верх над везирями, вакилями и самим шахом (исключение составляет только сказка № 25 — «Предание о шахе Аббасе»), почти неизбежно оказывается царевичем в конце сказки. Поэтому-то, как и его отделенный столетиями собрат — герой фавла и эпоса о Лисе, — герой персидской сказки противопоставляет грубому насилию помещичьего кулака и наглому лицемерию его приспешников — мулл и ахундов — не революционный отпор, но уклончивое лукавство, победительную хитрость. Достаточно указать в качестве примера на

широкую популярность сюжета о Шемякином суде. Не меньшую ценность, чем для историка культуры, который, наряду с отмеченными сейчас чертами психоидеологии класса, еще не осознавшего своего расслоения в новых условиях капиталистической экономики, найдет в «Персидских сказках» богатый материал для характеристики бытового уклада феодальной Персии (как всегда в фольклоре, данный в виде отдельных намеков, понятных и для рассказчика и для слушателей и разъясненных в примечаниях к тексту переводчиком), «Персидские сказки» представляют для фольклориста, давая интересные и по социальному содержанию и по структуре параллели и к сказкам Индии и к сказкам Запада. Особенную близость обнаруживают к этим сказкам сказки Армении, где мы находим поразительные совпадения сказочного «инвентаря мотивов» (волшебная кобылица с 40 жеребятами, волшебные змеи, коварные «безбородки», не говоря уже о дивах-девах и т. п. — Ср. «Армянские сказки», «Academia», 1933). Что касается параллелей к западным и русским сказкам, то мы не будем утомлять читателя их перечислением; интересующийся найдет все указания в приложенной в конце тома «Таблице соответствий к «Персидским сказкам» по указателю Аарне-Андерсена».

Academia

ПЕРСИДСКИЕ СКАЗКИ

I

Богата сказками Персия, сказками, пришедшими сюда, на перепутье между Востоком и Западом, извне, вместе с людскими потоками, которые двигал исторический процесс, и сказками, зародившимися в Персии, живущими там и поныне или ушедшими в дальнейшее странствование. Целые сборники сказок и басен, то искусно вставленных в основную рамку в виде непрерывной цепи, то художественно скомпонованных для иллюстрации определенной мысли, являются составной частью персидской литературы, представляют ее особый жанр.

Для примера достаточно указать известные сборники перекочевавших из Индии сказок «Тутí-намэ» (Книга попугая) (XIV век) и «Анв́ари-Сухайли́» (Сияния Канопы) (XV век), составители которых Нахшаби́ и Хусейп-аль-Вайз признаны выдающимися художниками слова. Но эти сказки, обработанные в соответствующем стиле по требованию исторической эпохи с ее политическими и социальными особенностями, являются достоянием литературы, между тем как так называемые народные сказки Персии оставались до сих пор без внимания не только европейцами (за редкими случайными исключениями), но и самими персами. Лишь в сравнительно недавнее время впервые в европейской литературе было уделено внимание и народным персидским сказкам — почти одновременно появились три сборника